

Вспомнить и спастись

Снизу послышался рокот мотора и стал нарастать.

«Машина? Или машины? Вот они, голубчики, приехали! Сейчас рыскасть начнут, прочешут всё и найдут меня здесь... беспомощного...»

Евгений с трудом повернул голову и посмотрел вниз.

На мокром асфальте запрыгали полоски света. Звук мотора становился громче. И вот уже огоньки заплясали внизу, прямо под ним.

В нескольких метрах от него, как будто неровно дыша и покашливая, унося с собою огоньки в сторону Тайшетграда, проехал легковой автомобиль.

«Не они...— выдохнул Евгений, замерев на несколько минут.— Они со стороны города должны ехать, а это одиночка припозднившийся на чуть живой машинёшке. „Москвичонок“, наверное, старенький, а может, „уазик“. Но где же менты? Почему не едут? Сколько времени я уже здесь? Прополз же, наверное, хоть метров пять? Высокий откосище... Ещё ползти и ползти...»

Евгений медленно, насколько смог, приподнял голову. Над самым откосом висела тьма. Тьма ночи медленно двигалась тяжёлыми тучами, пугая лежавшего внизу человека.

«Хорошо хоть мелким дождиком обошлось, а ливня не было... Но может начаться в любое время. Надо торопиться...»

Он подтянул сначала правую, потом левую ногу, перебрал руками проволоку. Боль отдалась в пояснице, но уже не так резко. Щёбёнка снова поползла вниз, но он почувствовал, что продвинулся вперёд.

«Вот так, уже лучше... Есть движение вверх...»

Две недели, что провёл Володя дома, вернувшись из армии, показались ему одним днём. Долгим, но всё же не очень длинным.

Так получилось, что из всех его приятелей и одноклассников, призванных осенью 1976 года, он вернулся домой первым. В течение недели приехали ещё несколько парней, с которыми Володя давал зарок: первого декабря 1978 года отметить возвращение из армии в лучшем ресторане города. И вот теперь получалось, что он не сдержал данного обещания и уезжает в Иркутск, где будет проходить собеседование в университете, и если пройдёт, то как раз первого декабря начнёт учёбу.

Володя чувствовал себя неловко перед парнями. Ещё более неловко он почувствовал себя, когда встретился с Катей. За три дня до отъезда в Иркутск он поехал в таёжный посёлок, где жил его армейский друг Юрка Матзагиров и где его двоюродная сестра Катя работала в леспромхозовском магазине смешанных товаров.

Что ждал он от этой встречи, Володя не знал сам. Да, ему понравилась девушка на фотографии, ему было приятно получать от неё письма. Он часто перед отбоем в армии смотрел на фото Кати и представлял себе их встречу. Но что будет потом, когда они встретятся? Он не знал и старался об этом не думать.

И вот поехал...

Магазин оказался просторным, с большими окнами. «Целый гастроном», — подумал Володя, когда увидел его размеры, трёх продавщиц, обслуживающих покупателей, и большую, круглую, обитую железными листами печь у входа, за которой следил истопник.

Володя с Юркой отправились в магазин, выпив за встречу, для разогрева и храбрости, по две рюмашки самогона.

Катя уже ждала их. И не она одна. Едва приятели зашли в магазин, как продавцы и покупатели притихли и стали с нескрываемым интересом разглядывать приезжего жениха молодой продавщицы.

Жених был одет в новую, купленную только что ему матерью чёрную шубу-дублёнку, и лохматая тёмно-серая шапка, подаренная ему по случаю возвращения из армии дядькой, называвшим её волчьей, красовалась на его голове.

О том, что на нём волчья шапка и овечья шуба, а сам он небольшого роста и смотрится несолидно, Володя даже не подумал, а ощутил это всем своим нутром, стоя под десятком прошивающих его взглядов. Лёгкий хмель и восторг, с которым он шёл на свидание, слетели с него с хлопком закрывающейся за ним магазинной двери. Хлоп! — и он оказался под светом ярких ламп дневного освещения, дышащей рядом теплом печкой и блеском любопытных глаз. Пот выступил на его лбу, а рубашка прилипла к спине, когда Юрка подвёл к нему смущённую, видимо, не меньше его Катю. Первым делом Володе захотелось снять с себя шапку и шубу и бросить их себе под ноги.

«А на фотографии она всё-таки лучше...» — подумал он, глядя на идущую к нему скромную девушку с зачёсанными назад волосами, в синем халате и серых валенках.

Володе показалось, что они с Катей очень долго стояли друг против друга, боясь поднять глаза. Юрка размахивал руками — видимо, представлял её ему, его — ей, но Володя не слышал, что говорил товарищ. Он понимал, что нужно что-то делать: взять Катю за руку, поздороваться или сказать что-то. Но слова не шли, застряли где-то внутри него, словно засохли, а мысли роились в голове и — было слышно — жужжали, как пчёлы.

Всеобщее напряжение неожиданно сбила одна из продавщиц.

— Товарищи покупатели, вы не в кино пришли, а в магазин! — сказала она громко. — Будьте добры, переключите внимание на прилавок! Он у нас богат продуктовыми и промышленными товарами! Дайте возможность людям спокойно поговорить.

С десятков загипнотизированных немой сценой покупатель вмиг встрепенулись, повернулись к продавцам и враз заговорили.

— Катя, а вы с Володей пройдите в подсобку, там наедине побеседуете, — сказала подошедшая к ним продавщица, звали которую Зина.

— Пойдём? — спросила тихо Катя Володю.

— Пойдём, — ответил он.

— Вы идите, а я пока посмотрю, чем здесь торгуют, может, куплю что, — сказал им Юрка.

В подсобном помещении они сели на пустые поддоны возле мешков с крупой, и тут Володя осмелился посмотреть Кате в глаза.

— Боевая эта продавщица, Зина, — сказал Володя.

— Да, она самая боевая из нас всех, — подтвердила Катя. — Она тоже ждала парня из армии, а он пришёл и не женился на ней. Взял замуж другую, хотя с Зиной два года переписывался.

— Это она, Зина, тебе об этом рассказала?

— Да, Зина... — кивнула Катя. — Но об этом все в посёлке знают. И вообще много случаев, когда вот так переписываются девчонки с парнями, а те приходят из армии и других замуж берут, а то и вовсе уже с жёнами приезжают.

— А ещё больше случаев, когда переписываются, а потом встречаются и женятся. И долго и счастливо после этого живут, — сказал Володя.

— Да, и такие случаи есть, — согласилась Катя. — Моя мать отца из армии дождалась. Они больше двадцати лет вместе.

— Вот видишь...

— Но у нас с тобой другой случай, ты же на учёбу уезжаешь...

— Да, уезжаю. Но это не значит...

— Что это не значит? — перебила его вдруг Катя. — Ты сколько лет учиться там будешь?

— Пять... Пять с половиной, если с подготовительным.

— Через пять с половиной лет мне будет двадцать четыре года...

Они помолчали, подумав каждый о своём.

— И что ты предлагаешь? — спросил Володя, прерывая паузу.

— А что тут предлагать? Езжай учишь, а там видно будет...

Их нескладную беседу прервал появившийся в подсобке Юрка.

— Сестрёнка, тебя там уже подруги по прилавку потеряли, — сказал он Кате. — Ждут. Вечером договорите, ладно?

Володя пожал плечами, а Катя молча поднялась и, не взглянув на него, пошла.

— Ну, что у вас? — спросил Юрка. — Договорились о чём? Володя снова пожал плечами.

Он уехал домой четырёхчасовым автобусом, не дождавшись, когда Катя придёт с работы, и не попрощавшись с ней. А через три дня, когда поехал на собеседование, он сделал вывод, что город детства и юности — Тайшетград — пройденный этап его жизни, и все отношения его с его обитателями — с друзьями, знакомыми, родными и даже с матерью и с сестрой, которая теперь училась в медицинском училище, исчерпали себя, и восстанавливать их, а тем более заводить новые не стоит. В том числе и с Катей.

«А что Катя? Переписка, ожидание встречи — это одно, а построение постоянных отношений — другое. Лучше один раз увидеть и поговорить, чем полгода переписываться и строить какие-то планы. Вот увиделись и поговорили. И что дальше? Жениться и поехать жить в таёжный посёлок, стать лесорубом? Или привезти Катю в Тайшетград, а самому снова пойти на завод фрезеровщиком, где работал до армии? А как же археология? Раскопки? Могила Чингисхана? Нет, видимо, я ещё не дозрел до семейной жизни... Видимо, у нас разные с Катей судьбы, разные дороги...»

Об этом он говорил с дядькой Виктором — братом отца — накануне отъезда в Иркутск.

— А может, это и правильно, Володька, что не зацепила тебя эта Катя? Значит, любовь твоя где-то ждёт тебя ещё. Может, в Иркутске, а может, ещё дальше, — сказал на прощание дядька племяннику.

Собеседование проходило в новом корпусе университета на улице Карла Маркса.

Володя остановился в доме тёти Зои — материной сестры. Её дочь — двоюродная сестра Володи — Ольга, с которой пытался переписываться Юрка Матзагир, окончив физкультурный техникум, уехала в сельскую школу, где, как сказала тётка, из-за нехватки преподавателей вела и уроки физкультуры, и географию с биологией.

Володя ночевал в комнате Ольги. Утром проводить его к месту собеседования вызвался дядя — Валентин Павлович, поехавший утром по делам из второго Иркутска в центр города.

Дядька указал племяннику путь от центрального рынка, где они сошли с автобуса, на улицу Карла Маркса, и Володя, прогулявшись, без труда нашёл нужное ему здание.

Мечта стать историком, а точнее — археологом, у него появилась, когда он учился в восьмом классе. Как-то взял в библиотеке книгу Семёна Скляренко «Святослав», прочёл за один день и загорелся: начал искать литературу, связанную с историей Древней Руси, потом материалы, связанные с прошлым его родной Иркутской области. Узнал, что история родного края, которую в школе не проходили (ну, может, упоминали вскользь, но он этого не запомнил), не менее интересна, чем история новгородская или киевская.

До службы в армии поступить в вуз он даже не пытался, хотя учился в школе хорошо. Отец умер рано, когда Володе было четырнадцать, а его сестрёнке Ане — девять. Мать работала на стройке маляром и тянула, как могла, двоих детей. Заметив, что сын не на шутку увлёкся историей, она предлагала ему попробовать поступить в университет сразу после школы, но Володя решил твёрдо: до службы в армии будет стараться помогать матери. И он пошёл на завод. Сначала был учеником фрезеровщика, потом сдал на разряд. Семнадцатилетний паренёк размышлял взрослому, думая о том, что ему надо сначала укрепиться в своей мечте, а заодно пройти школу жизни — армию. Это была одна из причин, основная. А вторая — не в каждом городе и не в каждом университете учили на археологов. Об этом он тоже думал.

О подготовительном отделении университета Володя узнал, когда написал письмо в вуз, ещё будучи солдатом, месяцев за восемь до увольнения в запас.

Написал не сразу. За два года службы у него лишь однажды появилось сомнение: а действительно ли ему нужно быть именно археологом? Быстрое сомнение вспыхнуло в душе вдруг и заставило его призадуматься, когда под новый 1978 год замполит танкового батальона капитан Терехов неожиданно поручил ему, рядовому Владимиру Сапрунову, разработать сценарий встречи Нового года.

— Надо как-то разнообразить времяпровождение солдат и сержантов в казарме. Особенно в праздник, — сказал замполит, вызвав его к себе в кабинет. — Давай-ка, Сапрунов, подумаем вместе. Я как раз буду дежурным по полку в новогоднюю ночь, приду поздравить батальон. У меня есть кинокамера, в Германии купил, когда служил там. Хорошая, импортная. Можно на плёнку заснять мероприятие, а потом посмотреть его всем батальоном. Подумай давай, Владимир, собери активистов — бойких, шустрых бойцов.

И Володя подумал и собрал.

Он предложил замполиту в новогоднюю ночь переодеть дежурного по роте и дневальных в снеговиков, а старшину Колесника — в Деда Мороза. Замполит идею его одобрил и убедил пойти им навстречу командира батальона.

Небольшая группа посвящённых в новогоднее переодевание внесла и свои идеи. Так, Юрка Матзагир вызвался сыграть Бабу Ягу, а Мазур — Бармалея. Разбойниками в команду Бармалею назначили Жунусова и Тагаева. На роль Снегурочки

никто не согласился, принуждать не стали. Карнавал удался и без внучки Деда Мороза. Колесник сделал себе шубу, вывернув тулуп и украсив шапку красным материалом. Бармалею и разбойникам вывернули наизнанку шинели и шапки. Впрочем, потом Володя посоветовал Мазуру надеть обыкновенную фуражку, сняв с неё кокарду. Бармалей сразу стал отличаться от рядовых разбойников, и было видно с первого взгляда, что он старший среди них. Главным персонажем, конечно, на празднике был Дед Мороз — Колесник. Он приготовил подарки в виде белого материала для подшивки подворотничков и белой байки для портянок. В вещмешке у него также было несколько пачек печенья и две банки сгущённого молока. Уже в процессе первой репетиции Володе идея с вывороченными наизнанку тулупами приглянулась, и он попросил Колесника достать ещё три и выдать противогазы. Противогазы надели на молодых рослых солдат из первой роты и накинули на них сверху вывернутые тулупы. Спрятанные в тулупы с головы до пят и в противогазах, молодые бойцы напоминали мамонтов. А чтобы «мамонты» не бродили сами по себе, Володя предложил Травкину стать их погонщиком. Тот разделся до пояса, разрисовал себе грудь и лицо акварельными красками и накрутил на голову полотенце — чалму.

Для большего поля действия в расположении второй роты сдвинули кровати, и получилась довольно широкая площадка.

И замполит, и даже командир батальона, специально пришедший на праздник, остались довольны. Неожиданно для себя и для всех Володя оказался центральной фигурой карнавала. Нет, он не был в костюме, не читал стихов и не совершал «дикие пляски разбойников», но именно через него и под его командованием происходило всё действие. Он решал, кому, куда и в какое время двигаться, указывал, где должны располагаться зрители и что должен делать кинооператор.

— Товарищ капитан, возьмите общую картинку в кадр! А теперь крупным планом Деда Мороза! Теперь Бармалея! Сейчас мамонты пойдут, надо, чтобы они все сразу в кадр вошли!

И капитан Терёбов послушно выполнял команды рядового Сапрунова, включаясь в сценарий праздника.

— А сейчас зрителей! Лица зрителей! Теперь снимите комбата!

И Терёбов наводил камеру на зрителей и на улыбающегося в объектив командира батальона.

— Здорово всё получилось! — похвалил комбат участников карнавала, когда они неделю спустя всем батальоном смотрели фильм в полковом клубе.— Всех поощрить надо, а особенно режиссёра.

— Сапрунов, а у тебя задатки кинорежиссёра. Сам не замечал? — спросил замполит Володю уже в расположении батальона.— Подумай, может, тебе во ВГИК попробовать?

— Да не знаю даже...— ответил ему тогда Володя.— Я вообще-то археологом хочу стать.

— У тебя явно способности, товарищ наводчик орудия средних танков, смотри не промахнись с выбором,— улыбнулся замполит батальона.

Вот тогда и засомневался было Володя в своём выборе. Ему самому понравилось то, что он делал на карнавале, и он задумался, вспомнив, что иногда, когда он смотрит кино и замечает, что актёр не совсем хорошо исполняет свою роль, то невольно начинает искать ему замену среди других известных ему артистов. И, как он сам полагает, находит. Может, действительно в нём заложен талант режиссёра и ему нужно в институт кинематографии, а не на исторический факультет университета?

Мысли эти подогревались ещё и тем, что вначале некоторые старослужащие танкового батальона, а за ним и солдаты более младшего призыва стали звать его режиссёром, и это прозвище приклеилось к нему до конца службы.

Но всё-таки размышлять и колебаться Володе долго не пришлось. В ленинской комнате, после политзанятий, в одной из подшивок центральных газет он наткнулся на заметку об археологических раскопках в Читинской области. В заметке автор, кандидат исторических наук, рассказывал о найденных захоронениях монгольских воинов времён Чингисхана и высказывал гипотезу, что, возможно, одна из могил принадлежит самому великому полководцу. В конце он сообщил, что в раскопках принимали участие студенты исторических факультетов сибирских вузов.

И эта газетная заметка, как некогда книга Скляренко «Святослав», всколыхнула в Володе уходящую было мечту об археологии. «А почему я не там? Почему не я ищу могилу Чингисхана?»

И он написал письмо и отправил на адрес Иркутского государственного университета, вписав в разделе «Кому» слово «секретариат».

Володя написал о своём желании стать археологом и примерно через месяц получил ответ. В письме сообщалось, что в

Иркутском университете археологического отделения нет, но он может поступить на исторический факультет, поучиться там года два, и если желание стать археологом у него не пропадёт, то после второго примерно курса сможет перевестись на отделение археологии в тот университет, в котором такое отделение есть.

На письмо Володи ответила женщина из секретариата университета. Она и посоветовала увольняющемуся из армии осенью солдату не терять времени и поступать в конце ноября на подготовительное отделение. К письму были приложены проспекты и приглашение на собеседование. Прошедшие собеседование практически зачислялись в вуз: учились с декабря по июнь на подготовительном отделении, обеспечивались общежитием и стипендией, а после успешной сдачи экзаменов переводились на первый курс.

Володя думал всего одну минуту и в тот же день отправил обратное письмо, где выразил готовность быть на собеседовании в указанное время.

Претенденты на зачисление собрались на четвёртом этаже. Здесь были, как узнал Володя, не только поступающие на исторический факультет, но и те, кто собирался заниматься изучением русского языка и литературы, бурятского языка и бурятской литературы, стать юристом или журналистом.

Вдоль стен и возле окон по всему коридору стояли стайками и в одиночку молодые люди. В основном парни, но Володя заметил и нескольких девушек.

Увидев свободное пространство недалеко от окна, он тоже приткнулся к стене и встал рядом с двумя ожидающими собеседования парнями. Один из них был рыжий и худой, в простеньком, уже не новом пиджачке, второй — русский, с зачёсанными назад волосами, в хорошем, из дорогого материала, костюме и при галстуке. Володя, оценив себя, сделал вывод, что он в своём новом костюме, который мать ему, вместе с дублёнкой, выбрала лично перед поездкой в Иркутск, выглядит получше, чем рыжий, но русский по одежде его превосходит. Русский превосходил по своему наряду и всех других лиц мужского пола, желающих в перспективе стать студентами. И выделяли его от остальных не только дорогой костюм и галстук, но и манера поведения, и чувство собственного достоинства. Он, словно экзаменующий преподаватель, спрашивал рыжего: в каком году происходила битва при Калке, когда была основана

Казань и с кем воевал Александр Невский на Ладожском озере? Рыжий, как плохо выучивший урок школьник, пробовал отвечать, мялся, пожимал плечами. А русский не без удовольствия сыпал и сыпал датами, тут же давая ответ и просвещая тем самым собеседника, а заодно и Володю.

Возле них остановился смуглый парень-бурят в белом свитере с глухим воротником, с портфелем-дипломатом в руках.

— Извините, вы тут так интересно разговариваете. Возможно, я тоже поприсутствую, послушаю? — спросил он, выждав, когда русский эрудит ответит на очередной свой вопрос.

— Ну, поприсутствуй, послушай,— разрешил эрудит.— Тоже на исторический поступаешь?

— Нет, я на журналистику. Но, думаю, мне исторические даты освежить в памяти тоже полезно.

— Хорошо, освежай,— ещё раз разрешил русский.— Тебя как звать?

— Исаак,— сказал подошедший, немного смутившись.

— Ньютон, что ли? — улыбнулся русский, а за ним и рыжий с Володей.

— Нет. Торноев.

— Я что-то такое имя у бурят первый раз слышу,— удивился русский.— Хотя со многими знаком, и в армии со мной ребята-буряты служили, но ни одного Исаака среди них не было. Это что-то новое...

— Да меня отец так назвал...— снова смущённо сказал Исаак.

Было видно, что он не впервые уже объясняется по поводу своего имени.

— А что, отец у тебя физик? — продолжал допрос русский эрудит.

— Да нет, чабан...

— Оригинал твой папа,— улыбнулся русский.— Хорошо, Исаак, скажи мне: когда и где состоялась Полтавская битва?

— Подожди, подожди! — попросил Исаак и, раскрыв свой портфель-дипломат, достал оттуда блокнот и авторучку.— Я записывать буду.

— Вот вам пример настоящего журналиста,— широко улыбаясь, сказал эрудит, глядя на рыжего и Володю.— Всегда при блокноте и авторучке. Ни дня без строчки...

Пока рыжий и невольню Володя слушали вопросы и ответы русого эрудита, а Исаак записывал в блокнот, в коридоре появилась дама средних лет.

— Кто ещё не записался на собеседование, подходите, записывайтесь! — громко сказала она.

Разговоры в коридоре притихли, женщину тут же окружили. Подошёл и Володя, назвал свою фамилию.

— Через десять минут всем собраться возле четыреста семнадцатой аудитории,— закончив записывать фамилии в общую тетрадь, объявила дама.— Я буду выходить и вызывать. Те, кого назову, должны быть готовы к собеседованию. Всем понятно?

— Понятно,— ответил громко хор окруживших.

На беседу с приёмной комиссией вызывали сразу по несколько человек. По три-четыре. Группы претендентов на зачисление в вуз заводила и выводила знакомая уже Володе дама, которую, как он услышал, звали Виктория Львовна.

Группа уходила и возвращалась, иногда в неполном составе, минута через пятнадцать.

К прошедшим собеседование сразу бросались с вопросом: «Ну как?» — но те лишь пожимали плечами.

— Да что они сказать сейчас могут? — ответил за всех них ещё не ходивший за Викторией Львовной русский парень-эрудит.— Завтра результаты узнаем. Все однозначно не пройдут. Конкурс у нас тут, ребята. Возьмут пятнадцать историков, пятнадцать журналистов, пятнадцать юристов, пятнадцать на русский язык и литературу и десять на бурятский язык.

— А откуда такие сведения, Константин? — спросили его из толпы, подпирающей дверь 417-й аудитории.

— Да есть свои люди в ректорате,— сказал эрудит Константин, оказавшийся сразу в центре всеобщего внимания.— Из зачисленных сделают две группы по тридцать пять человек. Учиться будем вместе — и журналисты, и юристы, и историки, и все остальные. Мы же школьную программу тут мурыжить будем, а на предметный уклон отводится где-то часа два в неделю.

После выхода из аудитории третьей группы отсобеседовавшихся было установлено, что комиссия «гоняет» всех без разбору по историческим датам, названиям и авторам литературных произведений, задаёт вопросы личного характера.

Володя удивлялся сам себе. Он, сам не зная почему, был уверен, что собеседование пройдёт.

Его вызвали примерно через час, когда толпа заметно поредела. Вместе с ним зашёл тощий рыжий парень, и Володя узнал, что фамилия его Перцев.

Восемь солидных мужчин и две женщины сидели за четырьмя составленными в ряд столами, а напротив них стояли тоже в ряд четыре стула — голгофа для их собеседников. Как сообщили вошедшим, комиссия состояла из преподавателей университета во главе с проректором и секретарём из обкома комсомола.

Володя сел с краю, рядом с Перцевым. Вопрос, который задал сидевший в центре мужчина, вызвал на лицах собеседующихся удивление и даже растерянность.

— Как звали Печорина, кто скажет? — спросил мужчина, и собеседующиеся сразу поняли: он и есть председатель комиссии.

Володе понадобилось секунд пять-шесть, чтобы сообразить и поднять руку.

Председатель кивнул.

— Григорий Александрович, — выдохнул Володя.

— Правильно, внимательно Лермонтова читали, молодой человек, — одобрил председатель. — На литературу поступаете?

— Нет, на исторический...

— О, историк! — воскликнул председатель. — Будущий коллега. Похвально, что и литературу знаете. Как ваша фамилия?

— Сапрунов Владимир.

— А какое, на ваш взгляд, Сапрунов Владимир, самое значительное событие произошло на Руси во время её пребывания под монголо-татарским игмом?

— Куликовская битва, — быстро ответил Володя.

— Напомните нам, в каком веке была эта битва? — не унимался председатель.

— В тысяча триста восьмидесятом году.

— А это какой век?

Володя снова взял пятисекундную паузу.

— Выходит, четырнадцатый, — сказал Володя.

— Да, выходит, — согласился председатель и тут же спросил: — Вы только из армии?

— Так точно! — уже смелее и громче отчеканил Володя.

— Общественной работой занимались в армии? — задал свой вопрос сидевший рядом с председателем мужчина помоложе.

— Был группоргом танкового взвода.

— Танкист, — улыбнулся сидевший рядом с председателем. — А со спортом дружите?

— Да. Есть разряды по футболу и лёгкой атлетике. Беговые дисциплины на три, пять и десять тысяч метров, — Володя отвечал чётко, по-военному.

— А вы тоже историк? — взял снова инициативу председательствующий, обращаясь к Перцеву.

— Да, — кивнул тот.

— Скажете нам, в каком году была основана Москва?

— В т-т-ты-ты... — начал заикаться рыжий Перцев. — Одна т-тысяча сто с-сорок седьмом году!

— Вы заикаетесь? — спросил председатель.

— Эт-то я от волнения. А так нет, — сказал покрасневший лицом Перцев.

— Ладно. Литературу тоже любите?

— Да. Люблю.

— Назовите основные произведения Ивана Сергеевича Тургенева.

— «Р-рудин» «Н-накануне», «Дворянское г-гнездо», «Записки охотника»... — начал перечислять чем дальше, тем уверенней Перцев.

Краснота пропала с его лица.

— Вы тоже только из армии?

— Я весной пришёл, но летом поступить не получилось. На уборочной работал в совхозе.

— Фамилия?

— Перцев Виктор.

— А со спортом у вас как? — снова задал свой вопрос сидевший рядом с председателем.

— Я шахматы люблю, — сказал уже совершенно спокойный Перцев.

По лицам всех членов комиссии пробежала улыбка.

— Владимир Васильевич, я думаю, этих парней нам надо отпустить, — предложил сидевший рядом с председателем член комиссии.

— Да, — согласился председатель. — Сапрунов и Перцев — свободны. Завтра к десяти сюда же, без опоздания.

Володя встал первым и хотел по-солдатски ответить: «Есть!» — но сказал лишь:

— До свидания.

Наверное, именно тогда, в конце ноября 1978 года, впервые в своей ещё недолгой жизни двадцатилетний Володя Сапрунов задумался серьёзно над вечным философским вопросом, ответа на который не знает никто: случайно или закономерен то, что происходит в жизни человека? Случайно или

закономерно то, что происходит с ним? Почему ему пришла мысль написать письмо в университет и отправить его именно в тот день, а не в какой-нибудь другой? Случайно или не случайно это письмо попало именно к женщине из ректората, и она, прочитав его, почему-то решила ответить ему подробно и даже пригласила на собеседование? Случайно или не случайно пришёл он именно в этот час и минуту в университет, поднялся на четвёртый этаж и встал рядом с Константином и Виктором, а потом к ним подошёл Исаак? Ведь он мог и не писать письмо в университет или же написать, но не получить ответа. Мог прийти на собеседование чуть позже или чуть раньше и остановиться не там, где стояли парни, а встать возле другого окна или вообще уйти в конец коридора. Но он письмо написал, ответ получил, пришёл на собеседование именно в тот час и встал в ту минуту у того окна, где было свободное пространство, и там оказались Константин с Виктором. А после, что удивительнее всего, их поселили в одной комнате студенческого общежития: историков Володю Сапрунова, Костю Выборова, Витю Перцева и журналиста Исаака Торноева.

Комендантша общежития направила Володю в комнату № 325, и когда он туда пришёл, там уже расположились, выбрав себе места у окна, Константин и Виктор. И пока ребята знакомились и гадали: кто займёт четвёртую кровать, ближе к двери, явился Исаак.

И это тоже дело случая? Совпадение? Одно совпадение, второе, третье? Или всё, что уже произошло и будет происходить дальше, закономерно, кем-то и где-то давно определено, и имя этому — судьба?

Время от времени на протяжении дальнейшей его жизни Володе приходили в голову такие мысли. Но впервые он задумался над цепью случайностей и закономерностей именно в тот вечер, когда поселился в общежитии университета.

Он долго не мог уснуть в первую свою ночь в университетском общежитии. Вспоминал встречи с разными людьми, думая, были ли они случайными. Думал о школе. Почему его записали в первый класс «Б», а двух его друзей-одногодков — в первый «А»? А после, когда они перешли из начальной школы в среднюю, всех его приятелей определили в класс, изучающий английский язык, а его — в класс, изучающий немецкий? А армия? Несколько парней из его класса получили повестки явиться в военкомат вместе с ним в один день — пятнадцатого

октября, и почти всех их отправили служить на границу четвёртого ноября, а ему назначили на десятое ноября, и он попал в танкисты.

Володя встал, в темноте нащупал на тумбочке ручные часы, вышел в коридор. Был второй час ночи. Он подошёл к окну и посмотрел на ночной город с третьего этажа. Город тоже спал. Но не весь. Кое-где светились окна домов, и проезжали по улице редкие автомобили. Он вернулся в комнату. Новые товарищи его спали, безмятежно посапывая. Володя забрался под покрывало, подумал, что сегодня он будет спать на новом для себя месте, и вспомнил слова бабушки: «А на новом месте приснись, жених, невесте, а невеста парню постучится в ставню».

Под утро он видел сон. Перрон вокзала и девушку, похожую на Катю. Она шла впереди него, и он её окликнул, но она не повернулась, а прибавила шаг и скрылась за дверью вокзала. Он побежал за ней в зал ожидания. Но среди множества людей он не мог отыскать её. А люди шли ему навстречу, толкали его, и он метался между ними, кричал и звал: «Катя! Катя! Катя!» Устав, он сел на скамейку. Люди шли мимо большими толпами, устремившись к выходу, и не обращали на него внимания.

И вдруг через людской поток он увидел девушку с книжкой. Она сидела напротив и читала. Лицо девушки показалась ему знакомым, и он стал вспоминать, где видел её. Он встал и, протиснувшись через строй бесконечно идущих людей, подошёл к ней.

Она оторвалась от чтения и посмотрела на него. В больших её синих глазах он увидел сначала отражение своего лица, а потом всего себя, парящего в синеве.

Наверху загрохотало.

«Неужели гроза началась? Да нет, поезд...»

Поезд шёл на запад, освещая мощным потоком света путь и часть откоса. Свет прошёл над его головой, и, казалось, совсем близко застучали колёса.

Евгений подтянулся ещё немного. Почувствовал, как проволочка врезается в ладони.

За проходящим поездом снова появилась вспышка света, освещая колёса и днища вагонов.

Он снова подумал о грозе, но быстро понял, что это встречный поезд.

«Вот так выйду на рельсы, а по мне состав пройдёт... Затормозить на такой скорости сложно, да и не станет машинист, хоть и заметит, экстренно тормозить. Смысла нет...»

Ему вдруг вспомнился случай на маленькой станции возле Тайшетграда, когда перебежавшая путь женщина попала под проходящий состав. Жуткое зрелище видели несколько человек, ожидающих электричку. Поезд не остановился и даже не затормозил, а части тела женщины разбросало на несколько метров. Этот кошмар запомнился ему на всю жизнь и даже несколько раз повторялся с надуманными подробностями в его снах.

Евгения передёрнуло от воспоминания.

«Но не лежать же здесь... Надо вверх, а там как-нибудь через рельсы переберусь, вниз с откоса легче будет».

Встречные поезда промчались. Грохот затих. Евгений подтянулся ещё.

«Веселее дело пошло... — отметил он, чувствуя, что ползёт. — Надо же, университет вспомнился... Костя, Виктор, Исаак... Как наяву, будто минуту назад были рядом... Молодые, двадцатилетние... Но почему вдруг? То армия, то университет, и всё так подробно и чётко. Может, это перед смертью? Говорят, перед кончиной человек вспоминает все подробности своей жизни... Но нет, нет, нет! Умирать рано! Я выживу, выживу! Мне сорок три только вот-вот исполнится, ещё полжизни впереди... Или хотя бы лет тридцать смогу прожить ещё... Тридцать лет назад мне исполнялось всего тринадцать. Совсем ребёнком был. Тридцать лет прожить ещё — это нормально. Только не в тюрьме и не на зоне... Если повезёт и выберусь отсюда, то проживу ещё и тридцать, и больше на воле. Да, если повезёт...»

Ему вспомнилась поговорка, которую часто произносил Костя Выборов: «Везёт тому, кто везёт».

Евгений с новой силой вцепился в проволоку и ещё немного подтянулся вверх.

«Я везу, тяну самого себя. Мне повезёт... Должно повезти!»

Учёба на подготовительном отделении и жизнь в общежитии вспоминались впоследствии Володе как романтический сон. Всё у него шло хорошо, всё получалось. И не у него одного. Двадцатилетние парни-одногодки, отслужившие армию и уже кое-что повидавшие в жизни, жили дружно, помогая друг другу, искренне радуясь успехам товарищей. Вместе ходили они в театр, в кино,

на выставки, бывало — и на матчи по хоккею с мячом. Местный клуб «Локомотив» играл в высшей лиге чемпионата СССР, и в Иркутск приезжали известные мастера — чемпионы мира из московского «Динамо», свердловского СКА и набирающего ход и одерживающего победу за победой красноярского «Енисея».

Эрудит Константин жил в Ангарске, и ему, как и студентам из Иркутска, общежитие не полагалось. Ангарчане добирались за один час на электричке до областного центра, и это считалось вполне приемлемым для того, чтобы они могли учиться и жить дома. Но Константин и вправду имел связи в ректорате и добился места в общежитии. Первое время он действительно своё койко-место занимал постоянно, но ближе к весне не заходил в общежитие по нескольку дней, а то и по неделе, то мотаясь домой в Ангарск, то ночуя у родственников и знакомых в Иркутске. По рассказам Константина отец его работал главным инженером на одном из заводов Ангарска, мать — заместителем председателя горисполкома. Константин был единственным ребёнком в их семье.

Виктор Перцев не обижался на то, что однокурсники редко называли его по имени. Большинство в глаза и за глаза звали его просто Перцем или Витей-Перцем. Витя-Перец был потомственным хлеборобом. До службы в армии окончил сельское профессионально-техническое училище и поработал помощником комбайнёра и даже комбайнёром. Вместе с отцом и двумя старшими братьями убирал с полей хлеб. Когда пришёл из армии, комбайна ему в совхозе не досталось, и он отработал всю уборочную страду на зернотоке: готовил и засыпал на хранение зерно, грузил машины, увозившие новый урожай на элеватор. Работа в совхозе Виктору нравилась, но он с юных лет увлекался историей и, в отличие от братьев, много читал, и когда объявил дома, что собирается поступать в университет, нашёл неожиданное понимание со стороны отца.

— Правильно Витька решил. Механизаторов и без него в семье хватает. Езжай, сынок, учись, раз тяга у тебя к этому есть. Будешь хоть один из семьи с высшим образованием. Приедешь к нам в школу учителем. Учителя в нашем селе всегда уважаемые люди были, — напутствовал сына Перцев-старший.

Родители Исаака тоже работали в совхозе. Жили они в одном их улусов Усть-Ордынского Бурятского национального округа. Отец пас овец, мать работала на ферме. У Исаака были младшие брат и сестра. Исаак ещё подростком помогал отцу — выезжал с ним на пастбище, привозил чабанам обеды. С малых лет умел

обращаться с лошадьё. Восьмиклассником он написал заметку о работе чабанов, которую напечатали в районной газете. Конечно же, Исаак после этого сразу стал знаменитостью школы и села. Быть известным и в центре внимания ему понравилось, и молодой селькор послал в местную газету ещё несколько сочинений из школьной и совхозной жизни. Паренька газетчики заметили и, что называется, стали вести — готовить в районные журналы. Но поступить до армии в университет у Исаака не получилось. Он пошёл в школу на год позже своих сверстников, к тому же призыв на службу выпал у него на весну, и по просьбе военкомата новобранцу даже пришлось досрочно сдавать выпускные экзамены. Во время службы Исаак писал заметки в армейские газеты. Ему предлагали попробовать поступить в военно-политическое училище, готовившее военных корреспондентов, но Исаак отказался, не захотел связывать свою жизнь с армией, мечтая об учёбе в университете. Вернулся он в родные края с желанием сразу же поступить на факультет журналистики, однако редактор районной газеты, посмотрев последние публикации Исаака, уговорил его повременить до осени и предложил полгода поработать штатным корреспондентом, пока не выйдет из декретного отпуска сотрудница отдела писем.

— Ну и работал бы там уже корреспондентом,— говорил ему Константин,— поступил бы на заочный. Зато стаж шёл бы и опыта набирался.

— Можно было и заочно,— отвечал ему Исаак.— Но я думаю, что очно всё же лучше — более глубокие знания получишь. И в редакции мне все советовали на очное поступать. За пять лет учёбы можно же себя проявить, раскрыть свои способности и потом работать уже не в районной, а в областной или даже центральной газете. А если учиться заочно и работать, то, скорее всего, на всю жизнь в одной газете и застрянешь. Ну, может, до редактора дорастёшь, и всё.

— За это, Исаак, уважаю! — согласно кивал Константин и пожимал приятелю руку.

Вот такие были друзья-приятели у Володи. Вместе жили, вместе учились. Конечно же, общался Володя и с другими своими сокурсниками и сокурсницами. Особенно после того, как стал студентом и прошло формирование новых групп. Но комната № 325 общежития стала его домом почти на три года.

Но именно там, да, скорее всего, именно там, в этой комнате № 325, всё и началось однажды. Весной, в мае, когда они

заканчивали первый курс университета и готовились к зачётам и экзаменам, Костя принёс вечером большую спортивную сумку.

— Учёные мужи, разгрызающие гранит науки и ломающие на этом зубы, хотите немного заработать? — задал в своём обычном стиле вопрос Константин, когда все собрались в комнате.

— Заработать было бы неплохо. Но что нужно делать? — поинтересовался Исаак.

— Да практически ничего! — улыбнулся Константин. — Тут дело такое. К нам в Ангарск, на завод, приехала большая иностранная делегация, и мой приятель, сосед по дому, с ними работал и приобрёл у иностранцев очень хорошие вещи — кофточки, рубашки импортные высокого качества, джинсы-брюки, джинсы-юбки, и попросил меня реализовать. Как думаете, мы сможем всё сделать по-тихому? Предложить нашим проверенным жизнью студентам, естественно, не бедным, некоторые вещи? От реализации каждой — двадцать процентов от стоимости наши.

В комнате после слов Константина стало так тихо, как не было никогда в их присутствии.

— И как ты это себе представляешь? — спросил Володя. — Будем ходить и всех спрашивать: «Тебе не надо джинсы, а тебе кофточку?» Смешно. Мы не барыги. Может, лучше пойти на рынок и предложить кому-то продать и поделиться с продавцом?

— Ну ты молодец! — отреагировал резко и громко Константин. — Товар весь импортный с этикетками, нашивками. Откуда на нашем рынке такой товар? Продавца сразу, как увидят, что он продаёт, потянут в милицию.

— Так ты нам предлагаешь заняться рискованным делом, пахнущим уголовным наказанием? — снова спросил Володя.

— Я примерно такого вопроса и ожидал, — сказал Константин, — и отвечу так: да, риск есть, но он минимальный, и если мы это сделаем по-умному и тихо, то всё будет о'кей. Я, конечно, мог обойтись без вас, у меня есть кому предложить сразу всю партию, но я хотел, чтобы вы немного себе заработали денег. Я наметил уже ряд кандидатур, кому можно и нужно предложить в первую очередь.

Много раз потом вспоминал этот вечер Володя и много думал о том, почему и он, и Витя-Перец, и даже Исаак согласились тогда и взялись за это дело.